

Государственный деятель и великая трансформация

Гжегож Колодко
Университет Козьминского, Варшава
Иностраннный член Российской Академии Наук

Впереди нас всегда ожидает будущее – по своей сути неопределенное и таящее в себе различные риски. Будущее не предопределено, и оно редко бывает простым продолжением прошлого. Мы всегда имеем дело с диалектикой преемственности и перемен, причем область неопределенности и масштаб риска возрастают в периоды больших политических и экономических реформ, направленных на улучшение условий жизни. Именно так обстояло дело треть века назад в Советском Союзе и многих соседних странах.

В политической деятельности важно проявлять не только смелость и большую решимость – чем в полной мере обладал М.С. Горбачев – но и воображение, способность представить возможные направления получающих первоначальный импульс процессов, которые могут выйти из-под контроля и пойти совсем не по тому пути, который имелся в виду вначале. В намерения Горбачева не входил отход от социализма и ликвидация Советского Союза. Он хотел спасти социализм. Он намеревался придать Советскому Союзу человеческое лицо, чтобы система основывалась на поддержке общества, а не на мощи государства и подавлении граждан. Этим целям должны были служить политические реформы в форме гласности и экономические реформы, известные как перестройка. Эти начинания были столь новаторскими, что за время, прошедшее с запуска первого искусственного спутника Земли, лишь эти два русских слова прочно укоренились во многих языках, начиная с английского. И хотя нам известно их значение, соответствующее понятиям транспарентности и структурной трансформации, мы обходимся без перевода, потому что благодаря Горбачеву они говорят сами за себя.

Оглядываясь назад, *post factum*, можно лишь согласиться с Горбачевым: в условиях политических реальностей того времени он сделал многое из того, что было возможно. К сожалению, он не избежал серьезных ошибок, особенно экономического характера (Nutti 2018). Однако, оставляя пока в стороне проблематику реформ в Советском Союзе и России, необходимо подчеркнуть непреходящее значение его деятельности на геополитической арене, приведшей к прекращению вредоносной холодной войны. Возможно, Берлинская стена могла бы простоять чуть дольше, если бы не «круглый стол» в Польше, но можно не сомневаться, что она стояла бы еще очень долго, если бы не смелые решения Горбачева.

В дни тридцатой годовщины попытки отстранения Горбачева от власти, т.е. по существу государственного переворота, он выступил с ретроспективным анализом своих достижений и неудач в период, когда он занимал высшие посты в советском руководстве. Он уделяет значительно больше внимания политическим, а не экономическим аспектам, что не удивительно, поскольку в политической сфере его достижения были гораздо более значительными, а в некоторых отношениях выдающимися, в то время как результаты реформ в экономике были далеко не удовлетворительными. Инициатор перестройки рисует мрачную картину социально-экономической ситуации в момент, когда он пришел к власти в стране, где было построено «развитое социалистическое общество»: «Страна всё глубже погружалась в застой. Фактически прекратился экономический рост. <...> Мы прекрасно понимали, что экономика «реального социализма», как было принято называть нашу систему при Брежневе, деградирует, страна неотвратимо втягивается в кризис. К началу 1980-х гг. экономический рост прекратился, а с ним замер и так довольно низкий жизненный уровень. По показателям реальных доходов населения

СССР оказался далеко позади развитых стран Запада. В расстройство приходили финансы. Экономика становилась всё более разбалансированной и дефицитной. Не хватало не только продовольственных и промышленных товаров, но и металла, топлива, всего, что мы производили в огромных количествах» (Горбачев 2021). К сожалению, в 1991 году, когда этот выдающийся реформатор был отстранен от власти, состояние экономики было отнюдь не лучше, а во многих отношениях даже хуже.

В частности, появившиеся скромные результаты реформ сводились на нет ускоряющейся инфляцией. Более того, это происходило в ситуации далеко не преодоленного дефицита, что, разумеется, требовало либерализации цен, но в то же время неизбежно вело к инфляционному давлению (Kolodko 2000). Согласно оценкам Европейской комиссии, при располагаемых доходах населения, составлявших в 1985 г. 371,1 млрд руб., вынужденные сбережения составляли тогда 4,1 млрд руб., т.е. всего 1,1% от совокупных сбережений, а в 1990 г. их доля достигла 20,4%. Григорий Явлинский предложил тогда ставшую популярной программу стабилизации и либерализации экономики «500 дней: переход к рынку» (Yavlinsky *et. al.* 1991). Когда в ноябре того года я вернулся из ознакомительной поездки в Москву, я организовал в Варшавском институте финансов, директором которого я являлся, семинар под названием «500 дней к гиперинфляции». Так и оказалось. Цены в январе 1992 г. были на 245% выше, чем в январе 1991 г., а в целом в 1992 г. инфляция составила 2500% (Russia1992).

Горбачев объясняет фактическую неудачу перестройки в экономике колоссальным сопротивлением материала. Действительно, это сопротивление в Советском Союзе было сильнее, чем в странах Центральной и Восточной Европы, но оно было весьма значительным и в Китае. Реформы советского лидера, в отличие от реформ, проведенных Дэн Сяопином, были слишком поверхностными, чтобы достаточно быстро привести к перетоку ресурсов из производства вооружений и тяжелой промышленности в легкую промышленность, что удалось китайцам наряду с эффективным контролем роста цен. Добавим, что Польша смогла преодолеть пагубный для социалистических экономик синдром «дефицит плюс инфляция» лучше, чем Россия и другие постсоветские республики, но хуже, чем Китай (Kolodko, Gotz-Kozierkiewicz, Skrzyszewska-Paczek 1992; Kołodko 2021b).

Представляется, однако, что советское руководство в последние годы существования своей империи уделяло недостаточное внимание экономическим последствиям проводимых им перемен. Вероятно, это также происходило в результате накопления сложнейших проблем, возникших в связи с ослаблением, а затем распадом союза республик, представлявших различные национальности. Ни одна страна, в том числе даже Югославия, не сталкивалась с этой проблемой в таком масштабе, как СССР. Китайским реформаторам было в те годы легче сосредоточиться на экономических изменениях, хотя это не означает, что там не было национальных и этнических проблем. Они есть и сегодня.

Некоторые критики перестройки и гласности справедливо обращают внимание на то, что причиной неудач был недостаточно комплексный характер перестройки, призванной по существу спасти режим посредством постепенных перемен в политике и, опять-таки, ограниченных институциональных реформ. Ретроспективно оправдывая несовершенство перестройки, некоторые авторы осуждают Запад за то, что он не создал международные условия, которые в большей мере способствовали бы своевременному осуществлению всеобъемлющих экономических реформ (Sakwa 2019). Сам Горбачев высказывает вполне оправданные претензии на этот счет. Действительно, Запад мог и должен был сделать больше, но сознательно не делал этого, потому что ему не нужен был сильный Советский Союз, как и сильная Россия. Точно так же обстоит дело и сейчас.

Важно иметь в виду, что на экономические и политические реальности 1960-х, 1970-х и 1980-х годов сильно влияла холодная война (которую теперь, после того, как злополучное президентство Дональда Трампа принесло нам ее новое издание, следует называть первой холодной войной) и враждебное отношение Запада, особенно США, к обеим социалистическим державам, хотя и не обладавшим мощной экономикой, но имевшим сильные политические и военные позиции благодаря военной мощи России и численности китайской армии. Запад хотел краха советской и китайской коммунистической системы, и лидеры этих двух стран вполне отдавали себе отчет в том, что какие бы реформы ни проводились, Запад будет рассматривать их как возможность сломать систему правления, в которой он видел противника мирового капитализма.

До прихода к власти Горбачева практически никто в руководящих политических кругах не думал о глубоких изменениях в политической системе. Даже более прогрессивно и реформистски настроенные люди, будь то в политбюро ЦК коммунистической партии или в советском правительстве, в лучшем случае думали о частичных изменениях и улучшениях в рамках существующих реалий, без существенных отклонений от господствующей и безальтернативной ленинской идеологии. Однако время неизбежных перемен должно было наступить, и оно наступило вместе с приходом Горбачева на ключевые позиции в партии и государстве в 1985 году.

Советский Союз при Горбачеве не пошел так далеко, как это сделал тогдашний Китай, хотя и там, и там мысль шла в одном направлении: совместить однопартийное правление с переходом к рыночно ориентированной экономике (Åslund 1991). Ретроспективно можно прийти к выводу, что сама по себе эта идея не оказалась неудачной, поскольку она успешно работает в Китае и Вьетнаме уже на протяжении тридцати лет (Kołodko 2020; Csaba 2021).

Можно не сомневаться, что разочарование, которое испытали многие из-за того, что перестройка и гласность не смогли преодолеть негативные тенденции в экономике и международных отношениях в Советском Союзе, было бы гораздо менее сильным (а может быть разочарования вообще не было бы?), если бы не одновременная оппозиция с двух сторон – партийных консерваторов и неолиберальных фундаменталистов. Горбачев справедливо отмечает, что «...дезинтеграционные процессы опережали формирование новых институтов власти и управления. Одновременно набирала силы радикальная оппозиция. Само по себе появление оппозиции было закономерным и необходимо. Но своими популистскими лозунгами, борьбой против союзного центра и политического централизма, поддержкой сепаратизма радикалы подрывали фундамент власти и практически смыкались по деструктивности с реакционной, консервативной оппозицией. Эти две крайности привели к тому, что переход к демократии в нашей стране оказался драматичным и болезненным. И предопределили многие трудности и проблемы, с которыми мы сталкиваемся до сих пор» (Горбачев 2021).

Такова природа вещей: политические прорывы совершить легче, чем экономические. По крайней мере так обстоит дело в краткосрочном плане, потому что в долгосрочной перспективе может оказаться, что больший прогресс в плане политической либерализации и создания подлинно демократической системы достигается в сфере построения рыночной экономики. Об этом свидетельствует опыт более трех десятилетий постсоциалистической трансформации в таких странах, как Чехия и Польша или Венгрия и Словения.

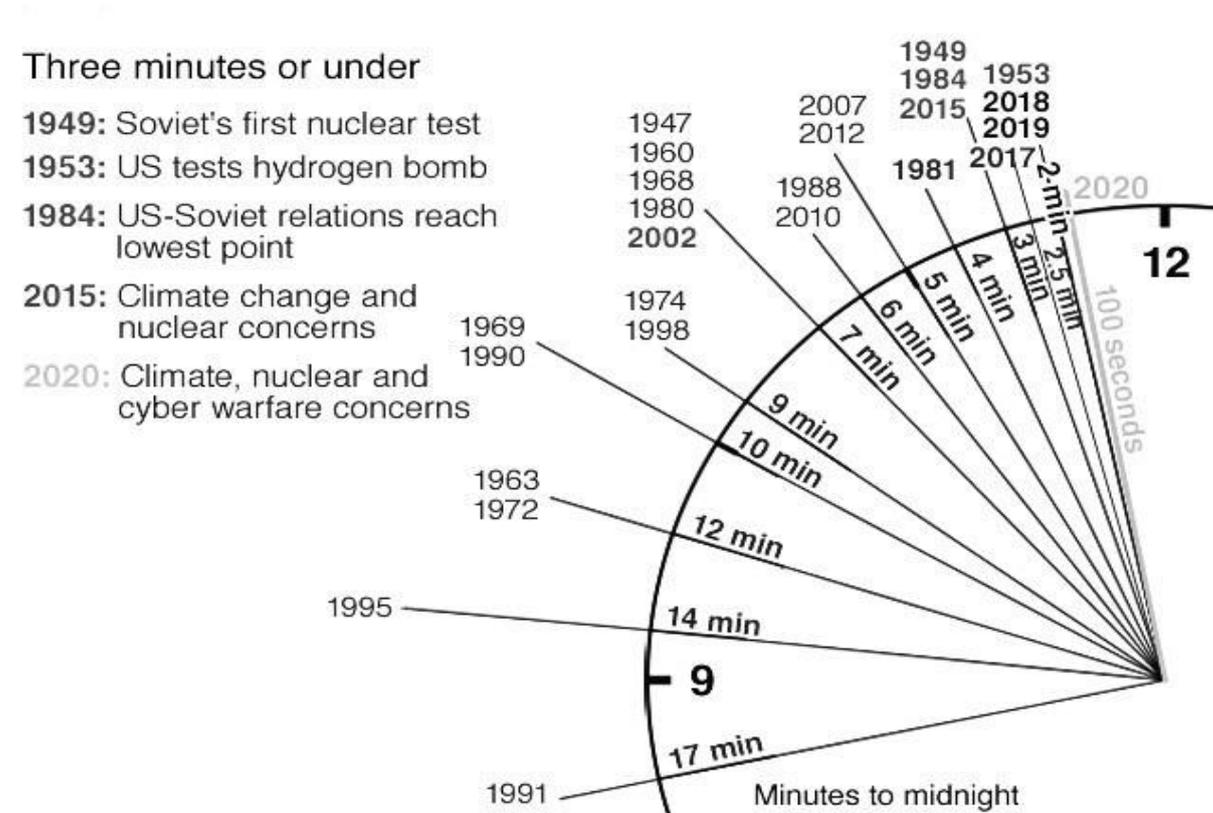
Однако Горбачеву и его реформистскому курсу история не отвела трех десятилетий – и даже одного. Но в политике, особенно при отсутствии демократических институтов – а советская и российская реальность тогда была именно такова – инициаторы таких крупных реформистских проектов, как перестройка и гласность, должны исходить из того, что они будут иметь достаточно времени для их осуществления. Но часто времени

оказывается недостаточно, либо потому, что слишком рано заканчивается срок демократических полномочий, либо потому, что одни реформаторы силой заставляют других уйти. Поэтому можно понять бывшего советского руководителя, когда, признавая свои ошибки, он объясняет: «Тогда мы не знали и не могли знать, что история отвела нам мало времени. Радикальные экономические реформы, переход к рыночной экономике требовали целого переворота в сознании и руководителей, и рядовых граждан. Те, кто пришёл после нас, думали, что у них всё получится за два, максимум три года. Отсюда их вера в «шоковую терапию» и отсюда же – её разрушительные последствия. И это тоже надо иметь в виду, оценивая просчёты в экономической политике периода перестройки» (Горбачев 2021). И здесь я должен согласиться с Горбачевым, а также добавить, что так называемая шоковая терапия имела в его стране даже более пагубные последствия, чем в моей.

Горбачев справедливо подчеркивает огромное значение прекращения холодной войны. Считаю это выдающееся достижение прежде всего его заслугой (Kolodko 2021a), я отмечаю, что сам он делит часть ее со своими американскими партнерами, добавляя, однако, что «на этой позиции американский политический истеблишмент не удержался. Не выдержали американские политики испытание историей, не оказались на высоте своей исторической ответственности. Вместо констатации общей победы над холодной войной решили объявить свою «победу в холодной войне». <...> Тогда и произошёл тот срыв, тот поворот, который многое предопределил в последующем ходе мировых событий. В этом корень ошибок и провалов, которые подорвали фундамент новой мировой политики (Горбачев 2021). К сожалению, это продолжается и сегодня, хотя сейчас в глазах многих западных лидеров главной угрозой миру стал не уже прекративший своё существование Советский Союз и даже не Россия, хотя Запад и особенно США по-прежнему считают ее противником, а Китай.

Такие американские инициативы, как QUAD и AUKUS направлены именно против них. QUAD, «четырёхсторонний диалог о безопасности», это геостратегическое политическое соглашение США, Индии, Японии и Австралии, которое практически берет Китай в кольцо наряду с Россией. В свою очередь AUKUS – это военное соглашение между США, Соединённым Королевством и Австралией, предусматривающее оснащение последней как минимум восемью атомными подводными лодками. Высказывается мнение, что «подлинное значение AUKUS состоит в том, что он стал шагом в установлении нового баланса сил в тихоокеанском регионе» (Economist 2021), что не удивительно, однако должно быть ясно, что реальное, истинное, а не декларативное значение AUKUS отнюдь не в этом. Оно даёт новый импульс гонке вооружений в духе холодной войны и не способствует балансу сил, который в принципе желателен, а, наоборот, ослабляет международную безопасность. Поразительно, что такой в целом разумный и прагматичный журнал, как The Economist, утверждает, что «это можно поставить в заслугу администрации Байдена» ((Economist 2021). С этим никак нельзя согласиться.

Огромным достижением последнего советского руководителя стало то, что группа ученых, состоящая в основном из выдающихся физиков, в том числе лауреатов Нобелевской премии, смогла отвести стрелку «часов Судного дня» назад на целых 17 минут от «полуночи», символизирующей мировую катастрофу. Они считают, что 1991 год был с точки зрения сохранения мира наиболее безопасным за весь период после второй мировой войны. Последние же несколько лет стали наиболее опасными – более опасными, чем 1949 год, когда Советский Союз испытал свою первую атомную бомбу, более опасными, чем 1953 год, когда США провели испытание своей первой водородной бомбы, более опасными, чем предсказанный Оруэллом 1984 год, предшествовавший, к сожалению, запоздалому приходу Горбачева к власти.

«Часы Судного дня»

Три минуты или меньше
 1949 г. Первое испытание советской атомной бомбы
 1953 г. Первое испытание американской водородной бомбы
 1984 г. Низшая точка в советско-американских отношениях
 2015 г. Изменение климата и проблемы ядерных вооружений
 2020 г. Климат, проблемы ядерных вооружений и противостояния в киберпространстве

Источник: Bulletin of the Atomic Scientists (Mecklin 2021).

Однако прекращение холодной войны означало не только то, что человечество обрело ощущение безопасности. Оно не только освободило огромные массы людей от страха, но и дало многим странам возможность самим распоряжаться своей судьбой. Говоря словами Горбачева, «одновременно с окончанием холодной войны заявили о своих устремлениях народы стран Центральной и Восточной Европы и произошло объединение Германии. Безусловно, импульс этим процессам дали перемены в нашей стране. Дав народу нашей страны демократические права и свободы, мы не могли препятствовать устремлениям народов соседних стран, наших союзников. С самого начала руководителям этих стран было сказано: мы не будем вмешиваться в ваши дела, вы отвечаете перед своими народами. И когда ветер перемен охватил эти страны, мы доказали: наши слова о свободе выбора – а это был один из главных тезисов моей речи в ООН – не были пустой риторикой» (Горбачев 2021).

И если мы захотим назвать имя человека, который в наше время внес наибольший вклад в изменение глобальной геополитической системы к лучшему, то это будет генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Сергеевич Горбачев. Сегодня это может

прозвучать странно, но именно его слова и дела усилили ветры перемен, которые уже дули в мире.

И все же приходится признать, что в наше бурное, хаотичное время не следует рассчитывать на то, что в суждениях о непреходящих достижениях Горбачева будут преобладать безусловно позитивные оценки. Тридцать лет – слишком небольшой срок, чтобы ожидать справедливой оценки тех лет, имевших историческое значение для хода событий в мире, на который Горбачев оказал столь значительное воздействие. Этому великому государственному деятелю по достоинству оценят лишь в будущем. Не мы, а история вынесет окончательное суждение о том, кто был прав, а кто неправ, что было хорошо, а что плохо, кто вел людей в верном направлении, а кто по неверному пути. А история начинается только тогда, когда уходит последний свидетель обсуждаемых событий. К счастью, мы – и действующие лица, и свидетели – еще живы, и давайте надеяться, что впереди у нас еще много лет.

Библиография

Åslund, Anders (1991). *Gorbachev's Struggle for Economic Reform*, Cornell University Press, Ithaca, NY.

Csaba, László (2021). *Institutions and Change: New Horizons in Economic Theory*, w: Judit Ricz and Tamas Geroacs (red.), *The Post-Crisis Developmental State: Perspective form the Global Periphery*, Palgrave Macmillan, Cham, Switzerland, s. 13-31.

EC (1990). *Stabilisation, Liberalisation and Devolution: Assessment of the Economic Situation and Reform Process in the Soviet Union*, European Commission, Brussels.

Economist (2021b). *America is at last getting serious about countering China in Asia. But strengthening military alliances is not enough*, "The Economist", September 25, 2021 (<https://www.economist.com/leaders/2021/09/25/america-is-at-last-getting-serious-about-countering-china-in-asia>; dostęp 2.10.2021).

Gorbachev, Mikhail S. (2021). *Perestroika and New Thinking: A Retrospective*, Moscow: „Russia in Global Affairs”, 9.08.2021 (<https://eng.globalaffairs.ru/articles/perestroika-and-new-thinking/>; access 6.10.2021).

[Горбачев, М.С. (2021). *Понять перестройку, отстоять новое мышление*, Москва. «Россия в глобальной политике», <https://globalaffairs.ru/articles/ponyat-perestrojku/>].

Kolodko, Grzegorz W. (2000). *From Shock to Therapy: The Political Economy of Postsocialist Transformation*, Oxford and New York, Oxford University Press.

Kolodko, Grzegorz W. (2020). *Wielikaja kitajskaja transformacija: om „trietiego mira” k „pierwomu”*, „Mir Pieremien”, No. 2, p. 51-65.

Kołodko, Grzegorz W. (2021a). *Ekonomika i politika bolszich pieremien: Michail Gorbaczow versus Den Sjaopin*, „Ekonomiczeskaja Teorija”, No. 1, p. 5-19.

Kołodko, Grzegorz W. (2021b). „Deficitfljatsija” 3.0: *Ekonomika wojennego wremeni – gosudarstvennyj socializm - krizis na fonye pandemii*, „Voprosy Ekonomiki”, Nr 10, s. 5-26.

Kolodko, Grzegorz W., Danuta Gotz-Kozierkiewicz, Elżbieta Skrzyszewska-Paczek (1992). *Hyperinflation and Stabilization in Postsocialist Economies*, Kluwer Academic Publishers, Boston – Dordrecht – London.

Mecklin, John (red.) (2021). *It is 100 seconds to midnight: 2021 Doomsday Clock Statement*, Bulletin of the Atomic Scientists, [Science and Security Board](https://thebulletin.org/doomsday-clock/current-time/) (<https://thebulletin.org/doomsday-clock/current-time/>; dostęp 2.10.2021).

Nuti, Mario D. (2018). *The Rise and Fall of Socialism*, Berlin, Dialogue of Civilizations Research Institute (https://doc-research.org/2018/05/rise_and_fall_of_socialism/; dostęp 1.02.2021).

Russia (1992). *Russia Inflation Rate in 1992*, Statbureau, Moskva (<https://www.statbureau.org/en/russia/inflation/1992>; dostęp 2.10.2021).

Sakwa, Richard. (2019). *Russia's Futures*, Polity Press, London.

Yavlinsky, Grigory *et. al.* (1991). *500 Days: Transition to the Market*, St. Martin Press, New York.